

Всестороннее образование (О преодолении разделения труда)

(Статья. Михаила Бакунина. «Egalité» 1869 года №. №. 29, 30, 31 и 32.)

Михаил Бакунин

31 июля, 14 августа, 21 августа 1869

Оглавление

I. Буржуазная наука способствует угнетению	4
II. Соединение умственного и физического труда	8
III. Теоретическое и прикладное образование	12
IV. Свобода воли и социальная среда	15

Эта статья служит продолжением статьи «Усыпители». (прим. авт.)

I. Буржуазная наука способствует угнетению

31 июля 1869 год.

Возможно ли, спрашивается, полное освобождение рабочих масс, пока образование их ниже буржуазного, или пока вообще существует какой бы то ни было многочисленный или немногочисленный класс, пользующийся по рождению привилегией лучшего и более полного образования? Поставить этот вопрос всё равно, что решить его.

Очевидно, что из двух лиц, одарённых приблизительно одинаковыми умственными способностями, то лицо, которое больше знает, умственный кругозор которого более расширен знанием и которое, лучше поняв взаимную связь естественных и социальных фактов, естественные и социальные законы, легче и шире постигнет характер своей среды, – это лицо будет чувствовать себя более свободным в этой среде, окажется на практике способнее и сильнее другого. Понятно, что тот, кто больше знает, будет властвовать над тем, кто знает меньше. Раз что между двумя классами существует такая разница в образовании и воспитании, её одной достаточно, чтобы в короткое время произвести все остальные, возратить человечество к его настоящему состоянию, то есть снова разделить его на рабов и господ, заставить первых по-прежнему работать для последних.

Понятно, стало быть, почему социалисты-буржуа требуют для народа побольше образования, то есть немножко больше того, что народ получает ныне, и почему мы, демократы-социалисты, требуем для него, наоборот, *полного всестороннего образования*, полного всей полнотой развития века; мы восстаём против всякого класса, имеющего возможность приобретать исключительное знание и могущество в силу такого превосходства в знании властвовать над рабочими массами и эксплуатировать их.

Буржуазные социалисты желают сохранения классов, так как, по их мнению, каждое сословие представляет известную социальную функцию, один – науку, другой – ручной труд; мы же желаем окончательного и полного уничтожения классов, объединения общества, экономического и социального равенства всех людей на земле. Они желали бы, сохраняя сословия, уменьшить, смягчить и сгладить несправедливость и неравенство, исторические основы настоящего общества, мы же хотим разрушить их. Отсюда ясно, что между буржуазными социалистами и нами немыслимы ни соглашение, ни примирение, ни даже союз.

Но, скажут нам, возможно ли, чтобы всё человечество предалось науке? Оно умерло бы с голоду; следовательно, необходимо, чтобы одни занимались наукой, а другие работали и производили продукты, которые необходимы прежде всего им же самим,

а также и людям, посвятившим себя исключительно умственному труду. Эти люди трудятся не для себя одних: их научные открытия не только расширяют человеческий разум, но и улучшают быт всего человечества, благодаря применению их к промышленности и земледелию. Их художественные произведения облагораживают и возвышают нравственный уровень всех.

На это мы ответим, что наука и искусства распространяют свои благодеяния и оказывают своё благотворное влияние только на очень незначительную долю общества, обходя огромное большинство и, следовательно, принося ему прямой вред. Относительно прогресса в науке и искусствах можно сказать теперь то же самое, что уже не раз было замечено относительно развития промышленности, торговли, кредита, одним словом – социального богатства в цивилизованных странах современного мира. Это богатство совершенно исключительное и притом с каждым днём всё более и более стремится к исключительности, всё более и более сосредоточивается в наименьшем числе рук, уничтожая низшие слои среднего класса, так называемую мелкую буржуазию, низводя её в пролетариат, так что развитие этого богатства есть прямая причина возрастающего бедствия рабочих масс. Итак, пропасть, разделяющая счастливое и привилегированное меньшинство от миллионов работников, которые содержат это меньшинство трудом своих рук, постоянно расширяется, и чем счастливее становятся счастливые, эксплуататоры народного труда, тем бедственнее делается положение работников. Стоит только сравнить баснословную роскошь крупного аристократического, финансового, торгового и промышленного люда Англии с бедственным положением рабочих той же страны; стоит прочесть недавно обнаруженное наивное и вместе с тем ужасающее письмо¹ одного интеллигентного и честного лондонского серебряника, Вальтера Дюгана, который *добровольно* отравился с женой и шестью детьми, спасаясь от унижений, сопряжённых с бедностью и от мучений голода, – и ясно станет, что наша пресловутая цивилизация для народа ничто иное, как источник рабства и нищеты.

То же можно сказать и о современном прогрессе в области науки и искусств. Прогресс этот громаден – это правда; но чем больше он возрастает, тем больше становится причиной умственного, а, следовательно, и материального рабства, причиной бедствия и угнетения для народа, постоянно расширяя пропасть, отделяющую народную интеллигенцию от интеллигенции привилегированных классов.

Народная интеллигенция пока менее развращена, одурена и расслаблена потребностью защищать несправедливые интересы, а вследствие этого в ней больше силы, чем в интеллигенции буржуазной; зато последняя пользуется всеми орудиями науки, орудиями страшными. Очень часто интеллигентный работник вынужден замолчать перед учёным-глупцом, торжествующим не природным умом, а образованием. Это образование он приобрёл, потому что его, дурака, учили в школах, а тем временем труд работника одевал его, доставлял ему жилище, пищу, учителей, книги и всё необходимое для образования.

Мы знаем, что и в буржуазии не всякий обладает равным знанием. Тут также своего рода иерархия, зависящая не от способности лица, а от богатства того социального слоя, к которому оно принадлежит по рождению; так, например, образование, полу-

¹ Это письмо было опубликовано в предыдущем номере журнала «Égalité».

чаемое детьми мелкой буржуазии, немногим превышая образование работников, почти ничтожно в сравнении с тем которым общество щедро наделяет среднюю и высшую буржуазию. Но что же мы видим? Мелкая буржуазия, которая, в сущности, причисляется к среднему классу только благодаря смешному тщеславию с той и другой стороны и благодаря своей зависимости от крупных капиталистов, находится в большинстве случаев, в ещё более бедственном и унижительном положении, чем пролетариат. Говоря о привилегированных классах, мы никогда не разумеем в числе их эту жалкую мелкую буржуазию. Будь у неё больше ума и смелости, она не преминула бы присоединиться к нам, чтобы вместе бороться против крупной и средней буржуазии, которая давит её и пролетариат одинаково. Если экономическое развитие общества продолжится в нынешнем направлении ещё лет десять, то большая часть средней буржуазии сначала очутится в положении мелкой, а потом, мало-помалу, поглотится в пролетариат, благодаря роковому стремлению капитала к концентрации, и, в конце концов, неизбежным результатом этого будет окончательное разделение социального мира на ничтожное по числу, но непомерно богатое, учёное и сильное меньшинство и на огромное большинство несчастных, невежественных и порабощенных пролетариев.

Каждый добросовестный человек, кому дороги человеческое достоинство и справедливость, кто желает свободы и равенства невольно поражается тем фактом, что все изобретения человеческого разума, все великие приложения науки к промышленности, торговле и вообще к социальной жизни, до сих пор служили только интересам привилегированных классов и могуществу государств, этих вечных покровителей всякого политического и социального неравенства, и никогда не приносили пользы народным массам. Стоит только указать на машины, чтобы каждый работник и каждый искренний сторонник освобождения труда согласился с этим.

Чем держатся до сих пор исключительное благоденствие и несправедливое владение привилегированных классов? Что поддерживает их против законной ненависти народных масс? Сами по себе они бессильны. Их охраняет только государственная сила. В государстве они занимают всегда высшие и средние должности. Государственное же могущество опирается теперь, главным образом, на науку.

Да, на науке. Наука, правительственная и административная, наука финансовая, наука, учащая стричь народные стада, не доводя их до слишком крайнего отчаяния, учащая подавлять взрывы этого отчаяния, заставляя терпеть, повиноваться; наука, учащая обманывать и разъединять народные массы, держать их всегда в спасительном невежестве, чтобы они никогда не могли, соединившись, организовать из себя силу, способную сбросить иго; наука военная с усовершенствованным оружием, творящим «чудеса»² разрушения; наконец, наука изобретателей, создавшая пароходы, железные дороги, которые, служа для военных целей, удесятерят оборонительную и наступательную силу государств; телеграфы, которые, превращая каждое правительство в сторукое или тысячерукое чудовище, дают им возможность быть вездесущими, всезнающими, всемогущими – всё это создаёт самую чудовищную политическую централизацию.

² Отсылка на слова генерала де Фэйли на следующий день после битвы при Ментане (3 ноября 1867): «Винтовки Шасспо сотворили чудо», – слова, которые еще были в памяти всех.

После этого можно ли отрицать, что до сих пор всякий прогресс, без исключения, в науке служит всегда средством обогащения привилегированных классов и усиления государств, средством для грабежа и угнетения народных масс? Но, возразят нам, разве рабочие не пользуются также благами этого прогресса? Разве в наш век он не поднял их на высокую ступень цивилизации сравнительно с прошлыми веками?

На это мы ответим словами Лассалья³. Для оценки политического и социального прогресса рабочих масс надо сравнивать их современное положение не с положением их в прошлые века, а сравнивать их прогресс в данный период с прогрессом привилегированных классов в тот же период. Понятно, что если прогресс в обеих средах был равен, то отношение между положением классов не изменится; если же прогресс в среде пролетариата был сильнее и быстрее, чем в среде привилегированных классов, разница в их положении уменьшится; если же, наоборот, прогресс между работниками был медленнее, а следовательно, и меньше чем между господствующими классами, то разница эта увеличится; окажется, что в течении данного периода пропасть, разделяющая пролетариат и высшие классы, стала шире, человек привилегированный сделался сильнее, а работник угнетённее. Буржуазия по пути цивилизации двигалась быстрее пролетариата, но не потому, что её естественные способности были сильнее, чем способности народа, а потому, что экономическая, политическая и социальная организация даст только буржуазии возможность получать образование, потому что наука существует исключительно для неё, между тем как пролетариат осуждён на невежество, так что если его умственный уровень повышается – что не подлежит сомнению – то повышается, не благодаря социальным условиям, а наперекор им.

Итак, вот к какому выводу мы приходим: при настоящей организации общества прогресс науки служит причиной *относительного* невежества пролетариата, подобно тому, как прогресс промышленности и торговли служит причиной его *относительной* нужды. Следовательно, как умственный, так и материальный прогресс одинаково способствовали отягощению его рабства.

Из этого следует, что мы должны отвергнуть буржуазную науку и бороться против неё, как обязаны бороться против буржуазного богатства.

Отвергая их, борясь против них, как против нарушений общественного порядка, как против наследственной собственности одного или нескольких классов, мы должны стремиться превратить их в источники общего блага всех.

³ Фердинанд Лассаль (1825-1864) – один из основоположников европейского социализма. Участник революции 1848, работал над объединением немецких рабочих, в 1861 году стал президентом Всеобщего Германского Рабочего Союза. По своим политическим взглядам был республиканцем и противником федеративного начала.

II. Соединение умственного и физического труда

14 августа 1869 год.

Мы доказали, что, пока существуют две или несколько степеней образования для различных слоёв общества, до тех пор необходимо будут существовать классы, то есть экономические и политические привилегии для небольшого числа счастливых, а рабство и нищета для большинства. Как члены Международного Общества Рабочих мы хотим равенства, а потому должны также желать всестороннего и равного образования для всех.

Но, спросят, если все будут образованы, кто же захочет работать? Наш ответ прост: *все должны работать и все должны быть образованы*. На это очень часто возражают, что подобное смешение умственного и физического труда может произойти только в ущерб тому и другому: работники будут дурными учёными, а учёные всегда останутся очень плохими работниками. Да, конечно, это было бы справедливо в настоящем обществе, где ручной и умственный труд одинаково искажены тем совершенно искусственным разобщением, которому оба подвергнуты. Но обе эти силы, мускульная и нервная, должны быть одинаково развиты в каждом живом и цельном, правильно развитом человеке и не только не могут вредить друг другу, а напротив, каждая поддерживает, расширяет и укрепляет другую; знание учёного будет плодотворнее, полезнее и шире, если учёный будет знаком и с ручным трудом, а труд образованного работника будет *осмысленнее*, а следовательно, более производителен, чем труд необразованного работника.

Из этого следует, что даже в интересе как труда, так и науки, не должно существовать ни работников, ни учёных, а должны быть только люди.

Люди, которые теперь в силу своего умственного превосходства увлечены исключительно в область науки; которые, однажды попав в эту область, подчиняются влиянию условий своего буржуазного положения и обращают все свои открытия исключительно на пользу своего привилегированного класса, – эти люди, сделавшись действительно солидарными со всеми людьми, солидарными не в воображении только и не на словах, а на деле, через труд, обратят открытия и приложения науки на пользу всех и прежде всего на облегчение и облагораживание труда, этого единственно законного и реального основания человеческого общества. Возможно, и даже очень вероятно, что в переходное время, более или менее продолжительное, которое наступит, естественно, после великого социального кризиса, некоторые науки упадут гораздо ниже их настоящего уровня. Это также, несомненно, как то, что роскошь и всё, составляющее утончённость жизни, должны будут исчезнуть надолго из общества и вернуться, уже не как исключительная привилегия, а как

общее достояние, возвышающее жизнь всех людей, но только тогда, когда общество доставит всё необходимое всем своим членам.

Считать ли, впрочем, несчастьем или даже неудобством это временное затмение высшей науки? Насколько знание потеряет в глубине, настолько зато оно выиграет в широте распространения. Будет меньше учёных, но будет меньше и невежд. Взамен нескольких первоклассных умов миллионы людей, теперь униженных и раздавленных, получат возможность жить сознательно и по-человечески. Не будет полубогов, но не будет и рабов. Как полубоги, так и рабы подойдут под общий уровень и прежде всего станут людьми; первые немного спустятся со своей исключительной высоты, вторые значительно поднимутся. Не будет, следовательно, ни обожания, ни презрения. Все подадут друг другу руки и, соединившись, с новой энергией пойдут на новые победы как в науке, так и в жизни.

Потому то, не страшась этого временного затмения науки, мы призываем его всей душой, ибо следствием его будет очеловечение как учёных, так и работников, примирение науки с жизнью. И мы уверены, что лишь только это осуществится, прогресс человечества как в науке, так и в жизни быстро превзойдет всё, что мы до сих пор видели, и всё, что мы теперь можем вообразить.

Но здесь является другой вопрос: *способны ли личности возвыситься до одинаковой степени образования*. Вообразим себе общество, устроенное на началах полного равенства, где дети с самого рождения находятся в одинаковых условиях как политических, так и экономических и социальных, то есть пользуются совершенно одинаковой видимой обстановкой, воспитанием и образованием. Между миллионами этих молодых существ должны быть бесконечные различия в энергии, в естественных склонностях и способностях.

Это самый сильный аргумент наших противников, чистых буржуа и буржуазных социалистов. Они считают его неопровержимым. Постараемся доказать им противное.

Во-первых, имеют ли они право ссылаться на индивидуальные способности, возможно ли в современном обществе развитие этих способностей, возможно ли оно в каком бы то ни было обществе, экономическим основанием которого будет служить право наследства? Очевидно нет, ибо если существует наследство, то будущее положение ребёнка не может быть результатом его личных способностей и энергии, а прежде всего зависит от степени богатства или нищеты его семьи. Богатый, но глупый наследник получит высшее образование, а сын работника, самый интеллигентный, всё-таки останется невежественным. Какое, стало быть, лицемерие, какой бесстыдный обман ссылаться на индивидуальные способности в настоящем обществе, или даже ввиду улучшенного общества, но основанием которого остаётся индивидуальная собственность и право наследства.

Теперь толкуют о личной свободе, а между тем в современной жизни преобладает не человеческая личность, не личность сама по себе, а личность привилегированная, следовательно, преобладает привилегированное положение класса. Пусть попробует развитая личность из буржуазии восстать против экономических привилегий этого почтенного класса, и добрые буржуа, толкующие о личной свободе, покажут, как уважают они свободу личности! Толкуют о личных способностях, как будто мы не видим ежедневно, что самые высокие способности из рабочего и буржуазного

мира, должны уступать первенство и склонять голову перед тупоумием наследников золотого тельца? Только при совершенно полном равенстве могут *получить* полное развитие действительно индивидуальные способности и индивидуальная, не привилегированная, а человеческая свобода. Когда будет существовать *равная общая точка отправления* для всех людей, тогда только, нисколько не нарушая высокого права солидарности, которое есть и всегда будет самым великим двигателем общественных дел, источником человеческого знания и материальных благ, тогда только можно будет сказать с большим правом, чем теперь, что всякий человек есть то, чем сам себя сделал. Отсюда следует, что для возможности плодотворного развития личных способностей, нужно прежде всего уничтожить все личные привилегии, как политические, так и экономические, то есть нужно уничтожение классов. Нужно уничтожение индивидуальной собственности и права наследства, нужно торжество экономического, политического и социального равенства.

Но когда равенство восторжествует и утвердится, различие в способностях и в степени энергии людей сохранится. Но это различие не только не составляет зла, а напротив, по верному замечанию Фейербаха, служит источником богатства человечества. Благодаря этому различию, человечество есть коллективная единица, в которой каждый член дополняет всех и сам нуждается во всех; так что это бесконечное различие человеческих личностей составляет причину, главное основание их солидарности, даёт самый сильный аргумент в пользу равенства.

В сущности, даже и в настоящем обществе, если исключить две категории людей: гениев и идиотов, и если оставить в стороне различия, искусственно созданные под влиянием тысячи социальных причин, как то: воспитание, образование, политическое и экономическое положения, которые все различаются не только в каждом слое общества, но почти в каждом семействе, если сделать эти исключения, говорим мы, то и теперь необходимо будет признать, что относительно умственных способностей и нравственной энергии огромное большинство людей очень походят друг на друга, или по крайней мере стоят друг друга; слабость каждого в одном каком-нибудь отношении почти всегда уравнивается силой в другом, так что невозможно сказать о человеке, взятом из массы, что он гораздо выше или ниже другого. Огромное большинство людей не вполне одинаковы, но, так сказать, эквивалентны, а следовательно, и равны. Аргументация наших противников, следовательно, может опираться только на гениев и идиотов.

Известно, что идиотизм есть физиологическая и социальная болезнь. Она должна быть, следовательно, излечиваема не в школах, а в больницах, и можно надеяться, что с введением социальной гигиены, более рациональной, и в особенности, более заботящейся о физическом и нравственном здоровье людей, и с устройством нового общества на началах общего равенства, уничтожится совершенно эта болезнь, столь унижительная для человеческого рода. Что же касается до гениев, то нужно заметить прежде всего, что к счастью или к несчастью, они всегда появлялись в истории, только как очень редкие исключения из всех известных правил, а на исключения нельзя смотреть, как на единицу организации. Будем, однако, надеяться, что будущее общество, найдет в действительно-демократической и народной организации своих коллективных сил средство сделать этих великих гениев менее необходимыми, менее давящими и более действительно благотворными для мира. Не следует

забывать глубокомысленного изречения Вольтера¹: «Есть некто, у кого больше ума, чем у самых великих гениев, это – все», то есть масса. Следовательно, для того чтобы не бояться больше диктаторских стремлений и деспотического честолюбия гениальных людей, надо организовать массу, то есть всех, посредством полной свободы, основанной на полном равенстве, политическом, экономическом и социальном.

О возможности же создавать гениальных людей посредством воспитания нечего и думать.

Из всех известных гениев ни один или почти ни один не был таковым ни в детстве, ни в отрочестве, ни даже в первой молодости. Они явились гениями только в период возмужалости, и многие признаны были только после смерти, между тем как много неудавшихся великих людей, которые в молодости провозглашены были необыкновенными, кончили жизнь в полном ничтожестве. Следовательно, ни в детстве, ни в отрочестве нельзя определить относительное превосходство или слабость людей, степень их способностей и естественные склонности. Всё это обнаруживается и определяется только с развитием личности, и так как некоторые натуры развиваются рано, а другие поздно, хотя эти последние несколько не ниже, а иногда и выше первых, то очевидно, что ни один профессор, ни один школьный учитель не будет в состоянии никогда заранее определить поприще и образ занятий, которые выберут дети, когда достигнут периода самостоятельности.

Из всего сказанного следует, что общество, не принимая в соображение действительные или кажущиеся различия в наклонностях и способностях и не имея, никакой возможности определить и никакого права назначить будущее поприще детей, обязано дать всем без исключения *воспитание и образование совершенно равное*.

¹ Вольтер (1694-1778) – борец с религиозным мракобесием, в 1760е наряду с идеалом просвещенной монархии выдвинул идеал республики как наиболее разумной формы государственного устройства. По своим философским взглядам деист, последователь Локка (либерала) и Ньютона.

III. Теоретическое и прикладное образование

14 августа, 1869 год.

Образование всех степеней для всех должно быть равное и, следовательно, полное; другими словами, оно должно готовить каждого ребёнка, какого бы пола он ни был, к умственной жизни и к труду, для того чтобы все могли быть одинаково цельными людьми.

Позитивная философия¹, уничтожив обаяние религиозных басен и метафизических бредней, даёт нам возможность предвидеть, в чём будет заключаться научное образование в будущем. Основанием его будет изучение природы, а завершением социология. Идеал перестанет быть властителем и искажителем жизни, каким он является во всех религиозных и метафизических системах, и получит значение крайнего и наилучшего выражения действительного мира. Перестав быть мечтой, он явится сам действительностью.

Так как никакой ум, как бы он ни был обширен, не в состоянии обнять все науки во всей их полноте, а так как, с другой стороны, общее знакомство со всеми науками безусловно необходимо для полного развития ума, преподавание естественно разделиться на две части: на общую, которая будет знакомить с главными элементами всех наук и давать, не поверхностное, а действительное понятие о взаимном их отношении; и на специальную, разделенную по необходимости на несколько групп или факультетов, из которых каждый будет обнимать во всей их полноте, известное число предметов, по самой природе своей, дополняющих друг друга.

Первая часть, общая, обязательная для всех детей, будет составлять, если можно так выразиться, человеческое образование их ума, замещающая вполне метафизику и теологию и вместе с тем достаточно развивая детей, чтобы они могли, достигнув юношеского возраста, с полным сознанием избрать тот факультет, который наиболее подходит к их личным способностям и вкусам.

Конечно, может случиться, что, выбирая учёную специальность, юноша, под влиянием второстепенных, внешних или даже внутренних причин, иногда ошибётся и изберёт науку или поприще, не совершенно соответствующее его способностям.

Но так как мы искренние, а не лицемерные поклонники *личной свободы* и во имя этой свободы ненавидим от всего сердца принцип власти и всевозможные его

¹ Под этим выражением «позитивной философии» Бакунин отнюдь не подразумевает позитивизм или контизм, недостатки которого он так прекрасно доказал в своем Приложении (Философские рассуждения о божественном призраке, действительном мире и человеке), напечатанном в т. III (франц. издание) его сочинений. Он говорит о научной философии, вообще, которая опирается на наблюдения и опыт. (Прим. Дж. Г. в избранных сочинениях Бакунина)

проявления; так как мы ненавидим и осуждаем всей силой нашей любви к свободе власть родительскую и учительскую, находя их безнравственными и пагубными; так как повседневный опыт доказывает нам, что родители и учителя, несмотря на свою обязательную мудрость, или даже в силу её, ошибаются относительно способностей детей ещё легче, нежели сами дети; и так как в силу общего человеческого закона, закона неопровержимого, рокового, всякий человек, имеющий власть, **злоупотребляет** ей, школьные учителя и отцы семейств, устраивая произвольно будущность детей, обращают больше внимания на свои собственные вкусы, чем на естественные склонности детей: и, наконец, так как зло, происшедшее под влиянием деспотизма гораздо гибельнее и труднее поправимо, чем то же зло, происшедшее при свободе действия, то мы и поддерживаем против всех опекунов мира полную и безусловную свободу детям самим выбирать и определять своё поприще. Если они ошибутся, сама эта ошибка будет служить им сильным и действительным уроком для будущего; а общее образование, которое все они будут иметь, поможет им без большого труда вернуться на тот истинный путь, который им укажет их собственная природа.

Дети, как и взрослые люди, умнеют только в силу своего собственного опыта и иногда в силу опыта других.

При полном, всестороннем образовании рядом с преподаванием *научным* или *теоретическим* необходимо должно идти образование *прикладное* или *практическое*. Только таким образом образуется цельный человек, работник понимающий и знающий.

Преподавание практическое разделится, также как и научное, на две части: общую, дающую детям общую идею и первые практические сведения относительно всех ремёсел, не исключая ни одного, и уясняющую им в то же время идею их взаимной связи, выражающей материальную сторону цивилизации, общую сумму человеческого труда, и специальную, разделённую тоже на несколько промышленных групп, более тесно связанных между собой.

Общее образование должно готовить юношей к свободному выбору специальной группы промышленности и той частной отрасли, к которой они чувствуют себя наиболее склонными. Достигнув однажды этого второго периода образования, юноши должны будут под руководством профессоров производить первые опыты серьёзных работ.

Рядом с научным и прикладным образованием необходимо должно будет также существовать образование практическое, или, скорее, ряд последовательных опытов нравственности, не божественной, а человеческой. Божественная нравственность основана на двух безнравственных принципах: на уважении власти и презрении к человечеству. Человеческая же нравственность основана, напротив, на презрении власти и уважении к свободе и человечеству. Божественная нравственность считает работу унижением и наказанием; человеческая же видит в ней высшее условие счастья и достоинства людей. Божественная нравственность, в силу необходимой последовательности, приводит к политике, которая признаёт только права людей, могущих, по причине своего привилегированного экономического положения, жить без труда. Человеческая же, напротив, признаёт права только тех, которые работают. Она признаёт, что только одной работой человек становится человеком.

Воспитание детей, принимая исходной точкой власть, должно последовательно доходить до совершенно полной свободы. *Мы понимаем под свободой, с положительной точки зрения, полное развитие всех способностей, которое находятся в человеке, с отрицательной же точки зрения, независимость воли каждого от воли других*².

Человек никогда не может быть совершенно свободен относительно естественных и социальных законов. Законы, разделённые таким образом на две группы для лучшего усвоения науки, в сущности, принадлежат к одной и той же категории, так как они все суть законы естественные, законы роковые, составляющие основу и условия самого существования до такой степени, что нет живого существа, которое, возмущаясь против них, не стремилось бы тем самым к самоуничтожению.

Но нужно глубоко различать эти естественные законы от законов произвольных – политических, религиозных, уголовных и частных (гражданских), которые созданы были привилегированными классами для лучшей эксплуатации труда рабочих масс, для полного подавления их свободы, и которые под предлогом вымышленной нравственности были всегда источником самой полнейшей безнравственности. Итак, обязательным для человека останется всегда невольное и роковое подчинение всем законам, которые, независимо от воли людей, составляют самую жизнь природы и общества; но каждое лицо должно пользоваться полной независимостью относительно всех честолюбивых притязаний и всякой воли, как индивидуальной, так и коллективной, которая бы вознамерилась подчинить его не естественному своему влиянию, а созданному (искусственному) закону. Что же касается естественного влияния, которое люди приобретают друг над другом, то оно тоже составляет одно из тех условий социальной жизни, против которых возмущение так же бесполезно, как и невозможно. Это влияние есть основа физической, материальной, умственной и нравственной солидарности людей. Человеческая личность, произведение солидарности, то есть общества, может, конечно, до некоторой степени противодействовать ему, под влиянием чувств, навеянных извне и особенно посторонним обществом, но она не может выйти из него, не сделавшись немедленно членом другой солидарной среды и не подпав там новым влияниям. Ибо для человека жизнь без всякого общества, вне всякого человеческого влияния, полное отчуждение равняются нравственной и физической смерти. Солидарность есть не произведение, а мать индивидуальности, и человеческая личность может родиться и развиваться только среди человеческого общества. Сумма преобладающих социальных влияний, выработанная солидарным или общим сознанием более или менее обширной группы людей, называется *общественным мнением*. А кто не знает всемогущего влияния общественного мнения на всех людей. Действие самых драконовских запретительных законов ничто в сравнении с ним.

Следовательно, общественное мнение есть самый главный воспитатель человека, а отсюда мы выводим, что для нравственного улучшения личности нужно прежде всего улучшить самое общество, нужно очеловечить его мнение или его общественную совесть.

² Курсив не авторский.

IV. Свобода воли и социальная среда

21 августа 1869 год.

Мы сказали, что для улучшения человеческой нравственности нужно изменить к лучшему само общество.

Социализм, основанный на точных науках, совершенно отвергает учение «свободной воли»; он признаёт, что все так называемые пороки и добродетели людей, суть лишь произведения сложного действия природы и общества. Природа силой этнографических, физиологических и патологических влияний производит способности и склонности, которые называются естественными, а общественное устройство развивает их или останавливает, или же искажает их развитие. Каждый человек, без исключения, в каждый момент жизни бывает только тем, чем делают его природа и общество.

Только эта естественная и социальная *необходимость* делает возможной статистику, науку, которая не довольствуется занесением фактов в списки и перечнем их, но старается, кроме того, объяснить связь и соотношение их с устройством общества. Уголовная статистика, например, констатирует факт, что в одной и той же стране, в одном и том же городе в период 10, 20, 30 и даже иногда больше лет, если в это время не было никаких политических и социальных переворотов, могущих изменять направление общества, одно и то же преступление или проступок повторяется каждогодно почти одинаковое число раз; и, что ещё более замечательно, что даже способы совершения известных преступлений из года в год одни и те же; например, число отравлений, убийств ножом или огнестрельным оружием, так же как и число самоубийств тем или другим способом всегда почти одинаково. Это привело Кетле¹ к следующему замечательному выводу: «*Общество prepares преступления, а личности только исполняют их*».

Этот периодический возврат одних и тех же социальных фактов было бы невозможно, если бы умственные и нравственные наклонности людей, равно как и поступки их зависели от их свободной воли. Слова «свободная воля» или не имеют смысла, или же выражают, что личность принимает известное решение совершенно произвольно, помимо всякого внешнего влияния, естественного или социального. Но если бы это было так, если бы люди зависели только от самих себя, в мире господствовала бы страшная анархия; всякая солидарность была бы невозможна. Миллионы противоречивых и независимых друг от друга свободных волей необходимо стремились бы уничтожить друг друга и, конечно, достигли бы этого, если бы вне их и выше них,

¹ Ламбер Кетле (1796-1874) – бельгийский ученый, один из создателей научной статистики. Оказал значительное влияние на развитие количественных методов в социальных исследованиях. Доказал, что некоторые массовые общественные явления (рождаемость, смертность, преступность и другие) подчиняются определенным закономерностям.

не было деспотической воли небесного провидения, которая направляет их незаметно для них и, уничтожая их всех одновременно, водворяет среди человеческой неурядицы божественный порядок.

Потому-то мы и видим, что все сторонники учения свободной воли принуждены, ради логики, признать действие божественного Промысла. Это – основание всех богословских и метафизических учений, великолепная система, долгое время тешившая человеческую совесть, и должно сознаться, с точки зрения отвлеченного мышления или религиозно-поэтической фантазии, она полна гармонии и величия. Но, к несчастью, историческая действительность, соответствующая этой системе, была всегда ужасна, да и сама система не выдерживает научной критики. Действительно, пока на земле царствовало божественное право, огромное большинство людей подвергалось грубой, немилосердной эксплуатации, тирании, гнёту и унижению; и до сих пор имя религиозного или метафизического божества употребляется как средство для удержания народных масс в рабстве. Да иначе и быть не может, потому что, если божественная воля управляет всем миром, как природой, так и человеческим обществом, то для человеческой свободы нет места. Человеческая воля, конечно, бессильна перед волей божьей. Таким образом, желание защитить метафизическую, отвлечённую или воображаемую свободу людей, свободную волю, приводит к отрицанию действительной свободы. Перед божеским всемогуществом и вездесущием человек является рабом. Свобода человека уничтожается божественным провидением, и вместо неё остаётся привилегия, то есть особенные права, ниспосланные божественной благодатью известным лицам, известной иерархии², династии или классу.

Точно также божественное провидение делает невозможной и науку, то есть оно просто отрицает человеческий разум; другими словами, чтобы признать его, нужно отказаться от своего здравого смысла. Исходя из убеждения, что мир управляется божественной волей, нечего уже искать естественной связи между явлениями и остается смотреть на них, как на ряд проявлений высшей воли, предначертания которой, по словам Святого Писания, должны всегда оставаться непроницаемы для людей, чтобы не потерять своего божественного характера. Божественный промысл не только отрицает человеческую логику, но даже и логику вообще, ибо всякая логика подразумевает естественную необходимость, а такая необходимость была бы противна божественной свободе: с точки зрения человеческой – это торжество бессмыслия. Кто хочет верить, должен, следовательно, отказаться и от свободы, и от науки, должен позволить эксплуатировать, тиранить себя любимцам милосердного Бога, повторяя слова св. Тертуллиана³: *«верую, потому что это нелепо»⁴* и дополняя их изречением столь же последовательным: *«и хочу беззакония»*.

² Здесь Бакунин, по-видимому, использует слово «иерархия» в его этимологическом значении, то есть «священническое правление». – Дж. Г.

³ Тертуллиан (около 160 – после 220) – христианский богослов и писатель в Карфагене. Мышление Тертуллиана отмечено тягой к парадоксам. Если современные ему христианские мыслители стремились привести библейские учения и греческую философию в единое систему, то Тертуллиан всячески подчеркивает пропасть между верой и разумом.

⁴ В оригинальном издании *«верую в нелепость»*.

Мы же, добровольно отрекающиеся от блаженства будущего мира и желающие только полного торжества человечества на земле, мы смиренно сознаёмся, что божественная логика непостижима для нас и что мы довольствуемся логикой человеческой, основанной на опыте и на знании взаимной связи явлений, как естественных, так и социальных.

Наука, то есть сумма опытов, много раз повторённых, приведенных в порядок и обдуманых, доказывает нам, что «свободная воля» есть невозможная фикция, противная самой природе вещей; так называемая воля есть лишь проявление известной нервной деятельности, как наша физическая сила есть результат действия наших мышц, что, следовательно, и то и другое одинаково составляет произведение естественной и социальной жизни, то есть тех физических и общественных условий, среди которых каждый человек рождается и развивается; таким образом, повторяем, каждый человек в каждую минуту своей жизни есть результат сложного действия природы и общества; это совершенно подтверждает справедливость положения, высказанного нами выше, что для улучшения человеческой нравственности нужно улучшить общественную среду. Улучшить эту среду можно, только водворяя в ней справедливость, то есть полную свободу⁵ каждого среди полного равенства всех. Неравенство положений и прав и неизбежно вытекающее из него отсутствие свободы для всех – вот та великая коллективная несправедливость, из которой происходят все индивидуальные несправедливости. Уничтожьте первую, и все другие исчезнут сами собой. Видя, как мало люди привилегированные склонны к нравственному улучшению или, что тоже, к уравниванию своих прав с прочими, мы боимся, что торжество истины может водвориться только посредством социальной революции.

Чтобы люди были нравственными, то есть совершенными людьми, людьми в полном смысле слова, необходимы три условия: нормальные условия рождения, правильное и полное образование при воспитании, основанном на уважении к труду, разуму, равенству и свободе, и общественная среда, где каждая человеческая личность, пользуясь полной свободой, была бы, как по праву, так и в действительности, равна всем другим. Существует ли подобная среда? Нет. Следовательно, нужно создать её. Если бы в существующем обществе и удалось основать школы, которые давали бы своим ученикам образование и воспитание, настолько совершенное, насколько мы только можем себе представить, они всё-таки не могли бы создать людей справедливых, свободных и нравственных, ибо по выходе из школы человек попадал бы в общество, управляемое совершенно другими принципами; а так как общество всегда сильнее отдельной личности, то скоро оно подчинило бы их своему влиянию, другими словами, развратило бы их. Впрочем, основание подобных школ совершенно невозможно среди настоящего общественного строя, так как общественная жизнь обнимает всё, подчиняет своим условиям и школу, и семью и отдельную личность.

Учителя, профессора, родители – все члены этого общества, все более или менее развращены и подавлены им. Как же могут они дать ученикам то, чего нет в них самих? Нравственность лучше всего проповедуется примером, а так как соци-

⁵ Мы уже сказали, что под свободой мы понимаем с одной стороны по возможности полное развитие всех естественных способностей каждого человека, а с другой – его независимость не относительно всех законов, налагаемых человеческой волей – коллективной или индивидуальной, всё равно. (прим. авт.)

алистическая нравственность совершенно противоположна современной морали, то учителя, руководствуясь последней, доказывали бы ученикам своим примером совершенно противное тому, что проповедовали бы в школах. Следовательно, социалистическое воспитание невозможно в школах, как невозможно и в современной семье.

Но и интегральное, то есть всестороннее образование также невозможно при современном порядке. Буржуа не имеют никакого желания, чтобы дети их делались работниками, а работники лишены всех средств дать своим детям научное образование.

Бесподобна наивность и простота буржуазных социалистов, которые все твердят: «Дадим народу прежде образование, а потом освободим его». Мы говорим наоборот: «пусть он прежде освободится, а потом он сам начнёт учиться». Кто будет учить народ? Уж не вы ли? Но вы только развратите его, внушив ему все религиозные, исторические, политические, юридические и экономические предрассудки, защищающие вас против него, мертвящие его ум, расслабляющие его законную злобу и волю. Вы убиваете его ежедневной работой и нищетой и говорите ему: «учись!» Желали бы мы видеть, как вы с вашими детьми стали бы учиться при 13, 14, 16-часовом, подавляющем труде, при нищете, при риске в награду за труд умереть завтра с голода.

Нет, господа, несмотря на всё наше уважение к великому вопросу интегрального образования, мы утверждаем, что не в нём теперь главный интерес для народа. Первый вопрос для народа – его экономическое освобождение, которое необходимо и непосредственно влечёт за собой его политическое, а вслед затем и нравственное освобождение.

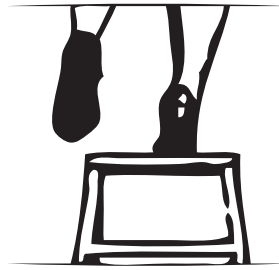
Поэтому, мы вполне принимаем следующее постановление Брюссельского Конгресса 1868 года⁶:

«Признавая, что в настоящее время организация интегрального образования невозможна, конгресс приглашает отдельные секции открыть публичные курсы по программе всестороннего образования то есть научного, промышленного, и производительного, чтобы пополнить по возможности недостаточность образования рабочих. *Само собой разумеется, что уменьшение часов работы должно считать предварительным, необходимым условием этого!*».

Да, конечно, работники должны сделать всё возможное, чтобы получить то образование, которого они могут достигнуть в их современном материальном положении. Но не увлекаясь сладкими песенками буржуа и буржуазных социалистов, работники должны прежде всего сосредоточить свои силы на великом вопросе своего *экономического освобождения*, которое должно быть источником всех других освобождений.

⁶ III Конгресс I Интернационала состоялся в Брюсселе 6-13 сентября 1868 года. В нем участвовало около 100 делегатов из Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Франции и Швейцарии.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
Всестороннее образование (О преодолении разделения труда)
(Статья. Михаила Бакунина. «Egalité» 1869 года №. №. 29, 30, 31 и 32.)
31 июля, 14 августа, 21 августа 1869

IISG, Историческое Развитие Интернационала

ru.anarchistlibraries.net